

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

Джулия
Куин

Лодь
наслаждений

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
К89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julia Quinn

A NIGHT LIKE THIS

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Куин, Джулия.

К89 Ночь наслаждений : роман / Джулия Куин ; [пер. с
англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-097534-1

Дэниел Смайт-Смит, граф Уинстед, во время дуэли подстреливший своего друга, три года скрывался за границей от преследователей, нанятых графом Рамсгейтом — разъяренным отцом раненого. Узнав, что прощен, Дэниел вернулся домой — и немедленно страстно влюбился в прелестную девушку, игравшую на фортепиано во время семейного концерта.

Увлечение это не сулит ничего хорошего. Потому что, во-первых, предмет страсти Дэниела — бедная гувернантка Энн Уинтер, брак с которой обернется настоящим скандалом, а во-вторых — и на графа, и на его возлюбленную кто-то охотится. Дэниел предполагает, что его снова преследуют подручные Рамсгейта, однако и Энн явно скрывает какую-то опасную тайну...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

© Julie Cotler Pottinger, 2012
© Перевод. Т.А. Перцева, 2016

ISBN 978-5-17-097534-1

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

— Уинстед, чертов ты шулер!

Дэниел Смайт-Смит изумленно моргнул. Он был немного пьян, верно, но, кажется, кто-то только сейчас обвинил его в нечестной игре! Он не сразу понял, что обращаются к нему: в конце концов, он не пробыл графом Уинстедом еще и года и иногда забывал оборачиваться, когда кто-то титуловал его.

Но, нет, он Уинстед, вернее, Уинстед — это он и...

Он тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. О чем только он думает?

О, верно, о чем?

— Нет, — медленно выговорил он, все еще сбитый с толку происходящим. И протестующе поднял руку, поскольку был вполне уверен, что не мухлевал. Мало того, после очередной бутылки вина, возможно, это было единственным, в чем он уверен.

Но больше ему не удалось ничего сказать. Он едва успел отскочить в сторону, когда в него швырнули стол.

Стол? Черт возьми, до чего же он пьян!

Но точно, стол лежал на боку, карты рассыпались по полу, а Хью Прентис орал на него как помешанный.

Должно быть, от выпитого помутился и его рассудок.

— Я не жульничал, — заверил Дэниел и, вскинув брови, заморгал, словно стараясь стереть тонкую

пленку хмельного тумана, застилавшую... все, черт возьми.

Он глянул на Маркуса Холройда, своего ближайшего друга, и пожал плечами:

— Я не шулер.

Все на свете знали, что он не шулер.

Но Хью явно потерял разум, и Дэниел мог только беспомощно смотреть, как Хью рвет и мечет, размахивая руками. Дэниел с усмешкой подумал, что сейчас он походит на шимпанзе. Если не считать отсутствия шерсти, конечно.

— О чем это он? — спросил Дэниел, ни к кому в особенности не обращаясь.

— У тебя не могло быть туза! — продолжал вопить Хью, бросившись к нему с протянутой рукой и видом обвинителя. И даже потряс ей, обводя то место, где прежде стоял стол. — Не могло, это невозможно! — едва ворочая языком, продолжал он.

— Но он оказался у меня, — ответил Дэниел. Не злобно. Даже не оправдываясь. Просто констатировал факт и даже пожал плечами с видом «что-еще-тут-говорить?»

— Не может этого быть! — настаивал Хью. — Я помню каждую карту в колоде.

И это правда. Хью всегда знал каждую карту в колоде. В этом отношении его ум был извращенно остер. Он мог делать вычисления в уме. Причем сложные. С четырех- и пятизначными цифрами, с заимствованиями и переносами, и всей той чушью, которой они были вынуждены бесконечно заниматься в школе.

Теперь Дэниел понимал, что, возможно, не стоило уговаривать его играть. Но он искал развлечений и, честно говоря, ожидал, что проиграет.

Никто и никогда не выигрывал в карты у Хью Прентиса.

Дэниел стал первым.

— Замечательно, — пробормотал он, глядя на рассыпанные карты. Да, сейчас они валяются на полу, но он знал каждую взятку. И был так же изумлен, как окружающие, когда выложил выигрышную комбинацию. — Я выиграл, — объявил он, хотя у него было такое чувство, что это и без него все знают. И, повернувшись к Маркусу, добавил: — Представляешь?

— Да ты хоть слышишь его? — прошипел Маркус, хлопнув в ладоши перед лицом Дэниела. — Очнись!

Дэниел мрачно насупился и наморщил нос, пытаюсь остановить непрерывный гул в ушах. Вот этого он точно не ожидал.

— Я не сплю, — заверил он.

— Я требую сатисфакции! — прорычал Хью.

Дэниел изумленно уставился на него:

— Что?!

— Назови своих секундантов!

— Ты вызываешь меня на дуэль?

Хотя по словам Хью и так все было понятно. Но ведь Дэниел пьян и мог не так слышать. А Прентис — оговориться.

— Дэниел! — простонал Маркус.

Дэниел обернулся:

— Думаю, он вызывает меня на дуэль.

— Дэниел, заткнись!

— Пфффф, — отмахнулся от него Дэниел. Он любил Маркуса как брата, но иногда не слишком хорошо соображал. — Хью, — обратился Дэниел к взбешенному человеку, который стоял перед ним, — не будь ослом.

Хью бросился на него.

Дэниел отскочил, но недостаточно быстро, — и оба рухнули на пол. Дэниел был на добрых десять фунтов тяжелее Хью, но на стороне последнего была ярость, тогда как Дэниел был просто ошеломлен и одурманен, так что Хью успел нанести не менее четырех ударов, прежде чем Дэниел успел ответить одним. И даже он не

достиг цели, потому что Маркус с помощью нескольких джентльменов вмешался и растащил дерущихся.

— Ты чертов шулер! — прошипел Хью, пытаясь вырваться, хотя его держали двое.

— А ты идиот.

Лицо Хью потемнело.

— Я требую сатисфакции!

— Ну нет! — рявкнул Дэниел.

В какой-то момент, возможно, когда Хью всадил кулак ему в челюсть, недоумение Дэниэла сменилось бешенством.

— Это я требую сатисфакции!

Маркус застонал.

— «Пэтч оф грин»? — холодно осведомился Хью, имея в виду уединенное место в Гайд-парке, где джентльмены улаживали свои разногласия.

Дэниел глянул ему в глаза.

— На рассвете.

Последовало мертвенное молчание: всем хотелось, чтобы будущие дуэлянты образумились.

Но ничего подобного не произошло. Как и следовало ожидать.

Уголок губ Хью приподнялся.

— Да будет так.

— Дьявол! — простонал Дэниел. — Голова просто раскалывается.

— Да неужели? — ехидно бросил Маркус. — Представить не могу, с чего бы это.

Дэниел сглотнул горькую слюну и потерял здоровый глаз. Тот, что не подбил Хью накануне вечером.

— Сарказм тебе не идет.

Маркус проигнорировал это высказывание:

— Еще есть время передумать.

Дэниел оглядел деревья, окружающие поляну, зеленую-зеленую траву под ногами... Наконец взгляд его

упал на Хью Прентиса и стоявшего рядом человека. Оба осматривали пистолет. Солнце взошло минут десять назад, и утренняя роса все еще льнула к каждой поверхности.

— Немного поздно для этого, не находишь?

— Дэниел, это идиотизм. Ты не в том состоянии, чтобы стрелять. Возможно, ты еще не протрезвел после вчерашнего.

Маркус с тревогой смотрел на Хью.

— Он назвал меня шулером.

— За это не стоит умирать.

Дэниел закатил глаза:

— О, ради всего святого, Маркус. Не собирается же он меня пристрелить!

Маркус с тревогой оглядел Хью.

— На твоём месте я не был бы так уверен.

Дэниел рассеял его волнение, в очередной раз закатив глаза:

— Он промажет.

Маркус покачал головой и пошел к середине поляны, на встречу с секундантом Хью. Дэниел наблюдал, как они осматривают пистолеты и беседуют с хирургом.

Кто, черт возьми, додумался пригласить лекаря? На дуэлях никто и никогда не целится как следует. Ранить кого-то весьма затруднительно.

Вернулся помрачневший Маркус и отдал Дэниелу пистолет.

— Постарайся не убить себя, — пробормотал он. — Или его.

— Угу, — кивнул Дэниел, стараясь выглядеть как можно более беспечно. Он занял место у отметки, поднял руку и стал ждать отсчета.

Один.

Два.

Тр...

— Черт подери, ты в меня попал! — взвизгнул Дэниел, в бешенстве уставившись на Хью. Глянул на свое плечо, из которого сочилась кровь. Пуля попала в мышцу, но, господи боже, как больно! И к тому же это правая рука. — Дьявол, о чем ты только думал! — завопил он.

Хью молча стоял, глядя на него как идиот, словно не понимал, что пуля может ранить.

— Проклятый кретин, — пробормотал Дэниел, поднимая пистолет и готовясь стрелять. И прицелился в сторону, туда, где стояло прекрасное толстое дерево, куда можно было всадить пулю. Но тут подбежал хирург, что-то лепеча. Дэниел повернулся к нему, поскользнулся на мокрой траве, палец застыл на спусковом крючке — и тут раздался выстрел.

Черт, от этой отдачи боль пронзила руку.

Хью взвыл.

Дэниел мгновенно оледенел и с нахлынувшим ужасом уставился на то место, где только что стоял Хью.

— О боже!

Маркус и хирург уже бежали туда. Кровь была повсюду, так много крови, что Дэниел даже с другого конца поляны видел, как она пропитывает траву. Пистолет выскользнул из его пальцев, а сам он, словно в трансе, двинулся вперед.

Господи милостивый, неужели он только что убил человека?

— Принесите мой саквояж! — крикнул хирург, и Дэниел сделал еще шаг. Что ему теперь делать? Помогать? Но Маркус уже хлопочет над Хью вместе с его секундантом. И кроме того, разве не Дэниел только сейчас ранил Хью?

Так ли должен поступать джентльмен? Помогать человеку после того, как всадил в него пулю?

— Держитесь, Прентис, — взмолился кто-то. Дэ-

ниел снова шагнул вперед, еще и еще, пока едкий запах крови не ударил в нос.

— Перевязывайте потуже, — сказал кто-то.

— Он потеряет ногу.

— Все лучше, чем потерять жизнь.

— Необходимо остановить кровотечение.

— Нажмите сильнее.

— Не теряй сознание, Хью.

— Кровь не останавливается!

Дэниел слушал все это, хотя не различал голосов. Но это не важно. Хью умирает, прямо здесь, на траве, и это он убил его.

Но это несчастный случай! Хью ранил его. А трава была мокрой от росы. Он поскользнулся.

Боже милосердный, знают ли они, что он поскользнулся?

— Я... я...

Он пытался говорить, но не находил подходящих слов. И к тому же только Маркус его слышал.

— Тебе лучше отойти, — мрачно заметил Маркус.

— Он...

Дэниел пытался задать единственный имевший значение вопрос, но задохнулся.

И упал без сознания.

Когда Дэниел пришел в себя, оказалось, что он лежал в кровати Маркуса с перевязанной рукой. Маркус сидел в ближайшем кресле, глядя в окно, за которым сияло полуденное солнце. Услышав стон очнувшегося Дэниела, он резко повернулся к другу.

— Хью? — хрипло спросил тот.

— Он жив. По крайней мере, это все, что я слышал, когда уезжал.

Дэниел закрыл глаза.

— Что я наделал? — прошептал он.

— У него вместо ноги кровавая каша. Ты попал в артерию.

— Я не хотел.

Звучало это жалко, но было правдой.

— Знаю.

Маркус повернулся к окну.

— Ты ужасный стрелок.

— Я поскользнулся. Трава была мокрой.

Он не знал, почему вообще это говорит. Все это не важно. Не важно, если Хью умрет.

Проклятье, они ведь были друзьями. Самый ужасный идиотизм в том, что они были друзьями. Он и Хью знали друг друга много лет, с первого семестра в Итоне.

Но он был пьян, и Хью был пьян, и все были пьяны, кроме Маркуса, который никогда не пил больше одной порции виски.

— Как твоя рука? — осведомился Маркус.

— Болит.

Маркус кивнул.

— И хорошо, что болит, — буркнул Дэниел, отводя глаза.

Маркус, возможно, снова кивнул.

— Мои родственники знают?

— Понятия не имею. Если и не знают, скоро узнают.

Дэниел с трудом сглотнул. Что бы ни произошло дальше, он станет парией, и это отразится на всей семье. Его старшие сестры замужем. Но дебют Хонории состоялся совсем недавно. Кто теперь на ней женится?

И он даже думать боялся о том, что станет с матерью.

— Я должен покинуть страну, — без обиняков сказал Дэниел.

— Он еще не умер.

Дэниел повернулся к другу, не в силах поверить прямоте такого заявления.

— Если он выживет, тебе необязательно уезжать, — пояснил Маркус.

Верно, что ни говори, но Дэниел и представить не мог, что Хью выкарабкается. Он видел кровь. Видел рану. Черт, он даже видел кость, обнаженную белую кость!

Никто не выживает после такого ранения. Если его не убьет потеря крови, прикончит инфекция.

— Мне следует поехать к нему, — решил наконец Дэниел, пытаясь сесть. Даже перекинул ноги через край кровати и почти коснулся пола, как раз в тот момент, когда Маркус к нему подбежал.

— Это не слишком мудрая идея, — предупредил он.

— Мне нужно объяснить, что я не хотел его ранить. Брови Маркуса поднялись:

— Вряд ли это теперь играет какую-то роль.

— Для меня играет.

— Вполне возможно, там присутствует магистрат.

— Если бы он хотел меня арестовать, давно бы нашел здесь.

Маркус обдумал сказанное и наконец отступил:

— Ты прав.

Он протянул руку, и Дэниел вцепился в нее, чтобы не упасть.

— Я играл в карты, — глухо сказал он, — потому что именно так джентльмены проводят время. А когда он назвал меня шулером, я вызвал его на дуэль, потому что именно так поступают джентльмены.

— Не изводи себя, — посоветовал Маркус.

— Подожди, — мрачно бросил Дэниел. Он закончит. Есть вещи, которые просто необходимо высказать.

Сверкая глазами, он повернулся к Маркусу:

— Я стрелял в сторону, потому что именно так пристало джентльмену, — яростно прошипел он. — И я промахнулся. Я промахнулся и ранил его, и теперь

собираюсь, черт возьми, сделать именно то, что делает любой человек: пойти к нему и сказать, что сожалею. И попросить прощения.

— Я отвезу тебя туда, — коротко ответил Маркус. Да что же еще он мог ответить?

Хью был вторым сыном маркиза Рамсгейта, поэтому его отвезли в отцовский дом, недалеко от дворца Сент-Джеймс. Дэниелу не потребовалось много времени, чтобы понять, что там он — нежеланный гость.

— Вы! — прогремел лорд Рамсгейт, указывая на Дэниела, словно обличал самого дьявола. — Как вы смеете показываться здесь?!

Дэниел старался стоять неподвижно. У Рамсгейта было полное право злиться. Он в шоке. Он скорбит.

— Я приехал...

— Засвидетельствовать свое почтение? — презрительно перебил маркиз. — Или принести соболезнования? Уверен, вам будет жаль услышать, что для этого еще немного рано.

Дэниел позволил себе легкий проблеск надежды.

— Так он жив?

— Едва.

— Я бы хотел извиниться, — сухо пояснил Дэниел.

Глаза Рамсгейта, и без того навывкате, стали невероятно огромными.

— Извиниться? В самом деле? Считаете, что извинение спасет вас от виселицы, если мой сын умрет?

— Я не поэтому..

— Я сделаю все, чтобы вас повесили. И не думайте, что я отступлюсь.

Дэниел ни секунды в этом не усомнился.

— Это Хью бросил вызов, — тихо вставил Маркус.

— Мне плевать, кто бросил вызов, — отрезал Рамсгейт. — Мой сын сделал то, что полагается джентльмену: не целился в сердце. Но вы...

Он уставился на Дэниела, так и излучая злобу и скорбь.

— Вы тяжело его ранили. Зачем вам это понадобилось?

— Я не хотел.

На секунду Рамсгейт так и впился в него взглядом.

— Не хотели? Таково ваше объяснение?

Дэниел ничего не ответил. Объяснение действительно выглядело неубедительным даже на его слух. Но это правда. Хотя и ужасная.

Он взглянул на Маркуса в надежде на поддержку, безмолвную поддержку, просьбу подсказать, что говорить дальше. Но Маркус тоже выглядел растерянным. Наверное, следовало бы еще раз извиниться и уйти, но тут в комнату вошел дворецкий и объявил, что доктор, посещавший Хью, только сейчас спустился вниз.

— Как он? — требовательно спросил Рамсгейт.

— Будет жить, — подтвердил доктор, — при условии, что рана не загноится.

— А нога?

— Больной ее сохранит. И опять же, если не будет инфекции. Но, скорее всего, останется хромым. Кость раздроблена. Я сложил осколки, как мог.. — Доктор пожал плечами. — Я не господь бог.

— Когда будет точно известно, удастся ли ему избежать инфекции? — спросил Дэниел. Он должен знать.

Доктор обернулся к нему:

— Кто вы?

— Тот дьявол, что ранил моего сына, — прошипел Рамсгейт.

Доктор потрясенно отшатнулся и даже прикрыл лицо руками, когда Рамсгейт в ярости направился к Дэниелу.

— Послушайте меня хорошенько, — злобно процедил он наступая, пока не оказался почти нос к но-

су с Дэниелом. — Вы за это заплатите. Это вы погубили моего сына. Даже если он выживет, все равно будет погублен, с искалеченной ногой и разрушенной жизнью.

Холодный узел недоброго предчувствия шевельнулся в груди Дэниела. Он знал, что Рамсгейт расстроен. Но тут явно нечто большее. Маркиз выглядел одержимым.

— Если он умрет, — прошипел Рамсгейт, — вы будете болтаться в петле. Если же не умрет, если каким-то образом вы избежите лап закона, я сам вас убью.

Они стояли так близко друг к другу, что Дэниел ощущал дуновение воздуха, вырывавшегося из уст Рамсгейта с каждым словом. Глядя в сверкающие зеленые глаза маркиза, он понял, что такое страх.

Лорд Рамсгейт убьет его. На самом деле. Это только вопрос времени.

— Сэр, — начал Дэниел, потому что должен был что-то вставить. Он просто не мог стоять и терпеть все это. — Должен сказать, что...

— Нет, это я вам говорю! — буквально выплюнул Рамсгейт. — Мне все равно, кто вы и какой титул передал вам ваш проклятый отец! Вы умрете. Это понятно?!

— Думаю, нам пора, — вмешался Маркус и, просунув руку между мужчинами, осторожно их развел. — Доктор, — кивнул он, проводя Дэниела мимо последнего. — Лорд Рамсгейт.

— Считайте ваши дни, Уинстед! — остерег маркиз. — А еще лучше — часы.

— Сэр, — снова начал Дэниел, стараясь выказать уважение старшему по возрасту. Он еще надеялся все исправить. Нужно попытаться. — Я должен сказать...

— Не смейте говорить со мной, — перебил Рамсгейт. — Никакие слова и извинения вас не спасут. Нет такого места, где вы смогли бы спрятаться!

— Если убьете его, вас тоже повесят, — предупредил Маркус. — А если Хью выживет, вы ему понадобитсяе.

Рамсгейт смотрел на Маркуса как на идиота.

— Думаете, я сделаю это сам? Нанять убийцу легкого легкого. Цена жизни слишком мала. Даже его жизни.

Он кивком показал на Дэниела.

— Мне нужно идти, — пролепетал доктор перед тем, как исчезнуть.

— Помните это, Уинстед, — усмехнулся Рамсгейт, глядя на Дэниела со злобным пренебрежением. — Можете бежать, можете прятаться. Но мои люди вас найдут. И вы не будете знать, кто они. Так что даже не поймете, откуда пришла смерть.

Эти слова преследовали Дэниела следующие три года. Из Англии — во Францию, из Франции — в Пруссию, из Пруссии — в Италию. Он слышал их во сне, в шелесте листьев, в каждом раздававшемся за спиной шаге. Он научился держаться спиной к стенам, не доверять никому. Даже женщинам, с которыми иногда находил наслаждение. И смирился с тем, что его нога больше не ступит на берег Англии, что больше он не увидит родных... пока однажды, к своему величайшему удивлению, в одной итальянской деревушке не увидел хромавшего ему навстречу Хью Прентиса.

Он знал, что Хью выжил, поскольку иногда получал письма из дома. Но не ожидал, что снова увидит Хью, особенно здесь, под средиземноморским солнцем, палившим камни древней городской площади, под крики «до свиданья» и «доброго пути».

— Я нашел тебя, — сказал Хью, протягивая руку. — Прости. — И тут он добавил слова, которые, как думал Дэниел, ему никогда не придется услышать: — Можешь ехать домой. Все улажено.